

Латкин Николай Васильевич

На сибирских золотых приисках

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич Л.**
На сибирских золотых приисках / Латкин Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 227 с.

ISBN 978-5-519-92550-1

ISBN 978-5-519-92550-1

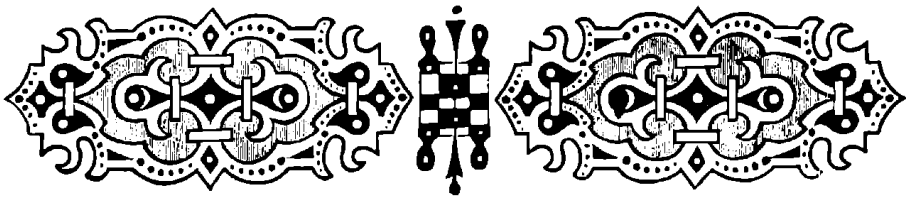
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Изъ жилыхъ мѣстъ въ тайгу.

Отдохнувъ отъ трехъ-недѣльнаго переѣзда изъ Петербурга въ Красноярскъ, я выбрался наконецъ рано утромъ по Енисейскому тракту въ тайгу изъ Енисейской столицы. Погода стояла чудная, теплая и ясная. Еще не томилъ солнечный жаръ, а назойливые овода и мухи не слѣпили глаза и не надоедали своими неотвязными нападеніями, комары-пискуны и несносная мелкая мошка уже улеглись на столько, что не отравляли своими укусами наслажденія любоваться раннимъ лѣтнимъ утромъ. Бойкая почтовая тройка легко и быстро подняла небольшой мой тарантасъ на Афонтову гору, круто падающую своимъ краснымъ ярмомъ къ устью рѣки Качи. Поднявшись на гору ямщикъ остановилъ лошадей, слѣзъ съ козелъ и принялся развязывать колокольчики, накрѣико завязанные подъ дугой, такъ какъ ѣзда по городу съ развязанными колокольчиками частному проѣзжающему была строго воспрещена и привилегія эта осталась лишь за почтой, курьерами и высшими представителями власти. Съ Афонтовой горы открылась живописная панорама Красноярска и всей окрестной Енисейской долины. Красноярскъ отсюда казался довольно взрчнымъ, чистенькимъ городкомъ, а долина Енисея дѣйствительно была очаровательна со своими зарѣчными сопками и утесами. Направо отъ почтовой дороги высилась желтая кладбищенская самой обыденной архитектуры церковь, но самое кладбище было расположено довольно живописно на высокомъ уступѣ Афонтовой горы, обрывающейся здѣсь къ Енисею крутымъ скатомъ. Далѣе, по Енисейскому тракту, до одиннадцатой версты, вся мѣстность представляетъ собою наклонное къ югу плато, совершенно степнаго характера, на которомъ не видно ни дерева, ни

горки. Впрочемъ почва здѣсь черноземная, смѣшанная отчасти съ пескомъ и хотя покрыта въ изобиліи полынкой и мелкой степной травкой, тѣмъ не менѣе пригодна къ земледѣлію, почему уже не въ далекомъ отъ города, по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, начинаютъ появляться обширныя пашни городскихъ жителей. На одиннадцатой верстѣ дорога круто опускается въ глубокую, луговую долину небольшой мелководной рѣчки, обрамленную голыми, обрывистыми холмами, изъ которой вновь такъ-же круто подымается на высокій противоположный берегъ этой долины, представляющей на всемъ пути до первой станціи немалую помѣху весною и осенью для почтовыхъ лошадей и нерѣдко почти неодолимую преграду для тяжелыхъ и грузныхъ экипажей, несмотря на то, что почтовая дорога бываетъ и въ эти времена года довольно хороша. Наконецъ, мы взлѣзли на эту скучную, длинную гору, и наша тройка весело и бойко побѣжала по гладкой и ровной дорогѣ до самой станціи.

Вотъ и почтовая станція, въ довольно зажиточной деревенькѣ Старцевой съ весьма приличной станціонной квартирой, но съ не всегда сговорчивыми почтовыми ямщиками, частенько отговаривающимися неимѣніемъ свободныхъ лошадей, которыя однакоже за тройные прогоны всегда являются къ услугамъ проѣзжающихъ. Не буду описывать подробно путь до деревни Каргино, стоящей надъ р. Енисеемъ на разтани двухъ путей, Енисейскаго и Рыбинскаго, имѣющей почтово-телеграфную контору, дѣятельность которой, благодаря близости Южно-Енисейскихъ золотыхъ приисковъ, гораздо значительнѣе какого-нибудь уѣзднаго городка, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ особенностяхъ Енисейскаго почтоваго тракта. Отъ Красноярска до станціи Шилинской трактъ этотъ проходитъ по совершенно степной мѣстности, обильной пажитями и почти совершенно безлѣсной; за селомъ Шилинскимъ почтовая дорога вступаетъ въ болѣе взхолмленную мѣстность, покрытую березовыми и осиновыми перелѣсками, переходящими мѣстами въ густыя заросли, и такъ до деревни Таловки, лежащей на границѣ Енисейскаго округа. Затѣмъ почтовая дорога до села Мокрушъ проходитъ по сильно взхолмленной мѣстности, покрытой смѣшанными лѣсами хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Отъ Мокрушъ до деревни Башкирь мѣстность снова принимаетъ равнинный и луговой характеръ, и почтовый трактъ извивается не рѣдко по возвышенному берегу Енисея или проходитъ вблизи него по еланямъ и пожнямъ; далѣе за Башкирами снова начинаются холмы и угоры, поросшіе густыми, преимущественно хвойными лѣсами. — На всемъ этомъ 240-верстномъ разстояніи отъ Красноярска—до Каргино—немало встрѣчается людныхъ и зажиточныхъ деревень и нѣсколько селъ, изъ которыхъ самое значительное—Казачинское, съ пристанью на Ени-

себѣ. На всемъ этомъ длинномъ пути насчитывается въ 20 деревняхъ и селахъ всего четыре сельскихъ училища, да и тѣ устроены незавидно, зато кабаковъ и виноторговлей великое множество: безъ малаго на каждыя полторы версты пути приходится одна винная лавка. Крестьяне здѣшніе въ общемъ довольно зажиточны, многіе изъ нихъ имѣютъ значительныя запашки и порядочное хозяйство, есть между ними даже съ порядочными капиталами, ведущіе значительную торговлю или составляющіе на золотые пріиски сѣно и другія сельскія произведенія и даже занимающіеся золотопромышленностью, арендуя пріиски или беря ихъ въ разработку на золотники, но немало также и такъ называемой «голодобы», живущей изо-дня-въ-день милостями своихъ патроновъ, деревенскихъ кулаковъ, такъ мѣтко прозванныхъ народомъ—міроѣдами. Деревни, благодаря близости лѣсовъ и дешевизнѣ лѣснаго матеріала, обстроены недурно, немало въ нихъ встрѣчается двухъ-этажныхъ домовъ, покрытыхъ тесовыми крышами, съ нѣсколькими свѣтлыми горницами, но на выѣздахъ и въѣздахъ селеній ютятся обыкновенно убогія хижины, пріютъ сельской бѣдности. Главное занятіе жителей — сельское хозяйство, извозъ, охота, отхожіе промыслы на золотые пріиски; сельской же промышленности почти никакой здѣсь не существуетъ. Торговля въ людныхъ селахъ преимущественно сосредоточена въ рукахъ енисейскихъ или красноярскихъ купцовъ, мѣщанъ и мѣстныхъ сельскихъ кулаковъ, въ особенности излюбившихъ кабацкое дѣло и наживающихъ здѣсь огромныя деньги, такъ какъ въ ихъ рукахъ сосредоточена торговля сельскими продуктами и поставки на пріиски.

Въ Каргино я пріѣхалъ подъ вечеръ и остановился у знакомаго мнѣ зажиточнаго крестьянина Ефима, который встрѣтилъ меня самъ лично и проводилъ въ чистенькую горницу своей избы. Разговорившись съ нимъ о его житьѣ-бытьѣ я спросилъ его насчетъ лошадей до слѣдующей станціи, находившейся уже не на почтовомъ трактѣ, а на земскомъ. «Наврядъ-ли вамъ здѣсь достать лошадокъ до Новосильцева», отвѣчалъ Ефимъ. «страда началась, всѣ, почитай, на покосѣ!» — «Такъ у тебя нѣтъ-ли свободныхъ?» отвѣчалъ я ему. «У меня дома всего одна пара, а вамъ, по вашему экипажу, надо четверку; вотъ до перевозу доведу; впрочемъ за рѣкой, въ Савиной, навѣрное лошадей достанете», возразилъ Ефимъ. Дѣлать было нечего, надо было рѣшиться поступить такъ, какъ говорилъ Ефимъ. Каргино тѣмъ и отличается, что неохотно возить лѣтомъ проѣзжающихъ въ тайгу по земскому тракту, вотъ по почтовому, такъ съ большимъ удовольствіемъ, да и тутъ наровятъ содрать съ проѣзжающаго въ тридорога, особенно во время выѣзда съ пріисковъ хозяевъ, ихъ управляющихъ и приказчиковъ. Мнѣ въ обыкновенное время приходилось платить, ѣдучи безъ подорожной или

когда на почтовой станціи не было лошадей, по 3, по 4 р. за тройку, а во время разъѣзда съ пріисковъ платилъ и по 5—6 р. за тройку, за одну станцію, хотя Енисейская почтовая дорога устроена очень сносно и даже весною и осенью неособенно грязна. Каргино — деревня, въ большинствѣ хорошо обстроенная и не незначительная; есть въ ней и церковь, но школы нѣтъ, зато винныхъ лавокъ наберется болѣе десятка. Жители селенія кромѣ хлѣбопашества и рыболовства на Енисей промышляютъ извозомъ, почтовой гоньбой, занимаются доставкой сѣна и клади на пріиски и держатъ перевозъ черезъ Енисей по Рыбинскому земскому тракту, на который и мнѣ предстояло отправиться. Народъ здѣсь чрезвычайно набалованный тароватостью золотопромышленниковъ и пріисковыхъ рабочихъ, но отъ этого онъ не богатѣетъ, а только больше пьянствуетъ, благо деньги достаются легко. Впрочемъ, подобный типъ деревни не единственъ, онъ свойственъ всѣмъ деревнямъ и селеніямъ, лежащимъ въ сосѣдствѣ съ пріисками, и всѣ эти Усть-Тунгуски, Рыбныя, Мотыгины, Назимовы и tutti quanti совершенно схожи между собою. Все это торговля и разгульная селенія, въ которыхъ таежный, пріисковый людъ, проходя въ тайгу или возвращаясь изъ тайги, оставляетъ большинство своихъ денегъ, если не всѣ, платя дорого за доставляемые ему всевозможныя удовольствія и утѣхи. Не только мужчины, но и женщины участвуютъ въ ублаженіи проходящаго тароватаго и мотоватаго таежника, зашибая деньгу чѣмъ только можно.

Наконецъ лошади были запряжены, и мы отправились на перевозъ, отстоявшій безъ малаго въ двухъ верстахъ отъ деревни. Дорога по спускѣ съ высокаго угора, на которомъ стоитъ Каргино, пролежала по заливному лугу, раскинувшемуся по лѣвому берегу Енисея, и была довольно-таки кочковата и тряска. Приѣхавъ къ мѣсту перевоза, мы нашли, къ счастью нашему, перевозный паромъ на здѣшней сторонѣ. Бываетъ, что попадешь къ перевозу, когда паромъ находится на другомъ берегу, тогда, пока дозовешься перевозчиковъ, сиди у берега и жди ихъ терпѣливо добрыхъ часа полтора. Вообще перевозки черезъ Енисей, благодаря его необычайной быстротѣ — вещь довольно многосложная. Сначала надо завезти перевозный карбасъ вверхъ по рѣкѣ отъ мѣста перевоза по крайней мѣрѣ на полъ-версты, а потомъ уже пуститься плыть за рѣку, наискось, чтобъ пристать къ мѣсту причала, рѣка же у перевоза не менѣе версты въ ширину. Хорошо, если случится попутный вѣтеръ, тогда карбасъ идетъ на парусахъ, и перевозъ совершается скоро; въ обратномъ же случаѣ и если вѣтеръ силенъ и разведетъ на рѣкѣ большое волненіе, перевозъ совершается медленно, а иногда и вовсе прекращается, такъ какъ неуклюжій карбасъ трудно борется съ волнами. Экипажъ перевознаго карба-

са, на которомъ можно установить до 2-хъ тарантасовъ съ лошадьми, состоитъ болѣе чѣмъ на половину изъ лицъ прекраснаго пола, обитательницъ расположенной насупротивъ Каргино деревни Савиной, такъ какъ перевозчики состоятъ изъ мѣстныхъ крестьянъ-домовладѣльцевъ, почему изъ каждой такой семьи, за неимѣніемъ по чему либо въ наличности лица мужскаго пола, его замѣняетъ баба или дѣвка, какая нибудь тетка Ирина или «дѣвонька» Марья. Не разъ переѣзжалъ я въ этомъ мѣстѣ Енисей въ небольшой лодкѣ и всякій почти разъ перевозила меня какая-нибудь тетушка Дарья съ дѣвушкой Машей или Матрешей, несмотря даже на свѣжую «низовку», разводящую здѣсь порядочное волненіе. Наконецъ одолѣли и Енисей. На берегу, у самой рѣки, ожидала насъ тройка лошадей, чтобы вытащить тарантасъ на крутой и высокій Савинскій берегъ. «Къ кому везти прикажешь?» обращается ко мнѣ владѣлецъ тройки. — «А у кого есть лошади везти меня до Новосильцевъ», переспросилъ я его? «Да у кого лошади? У Микиты развѣ, а цето у рыбака Леонтья», отвѣчалъ онъ! — «Ну такъ и вези къ Леонтью, я его знаю», отвѣчалъ я въ свою очередь. И вотъ при общихъ крикахъ и понуканьяхъ всей толпы перевозчиковъ, запряженныхъ въ тарантасъ лошади дружно подхватываютъ его на угорь, по крупной береговой галькѣ. Подхватили-то онѣ дружно, но на самомъ нужномъ мѣстѣ и стали, такъ какъ копыта у нихъ были неподкованы. «Палку давай скорѣе», кричалъ съ козель ямщикъ, неистово гукая и пахлестывая лошадей, «подпирай тарантасъ сзади, подпирай его палкой». Но, за неимѣніемъ подъ руками таковой, подпираютъ сопровождающіе насъ въ деревню перевозчики своими тѣлами и снова, при неистовыхъ крикахъ и уханы, лѣземъ мы на береговую возвышенность. Наконецъ лошадки взлѣзли на нее и затрусили рысцей по улицѣ деревни до избы рыбака Леонтья. Перевозъ и вывозка тарантаса съ «на-водками» обошелся мнѣ въ три р. сер. Пріѣхавъ къ Леонтью я съ сожалѣніемъ узналъ, что его нѣтъ дома и вотъ опять досадная остановка! Войдя въ довольно опрятную горницу, я обратился къ хозяйкѣ съ просьбой сварить уху изъ свѣжей стерляди. И тутъ вышла неудача. «Стерлядки-то, сударь, свѣжей нѣтъ, есть, да соленая», отвѣчала хозяйка, — «рыбка нонѣ что-то плохо ловится: вода высока въ рѣкѣ, да и хозяинъ въ отъѣздѣ». — «Ну, такъ поищи у кого-нибудь по деревнѣ», съ досадой отвѣчалъ я. Какъ никакъ а свѣжей стерлядкой раздобылись на сторонѣ, и хозяйка отправилась варить уху, а тѣмъ часомъ мой тарантасъ обступаетъ кучка крестьянъ и пробуетъ его подымать спереди и сзади.

— Что-же ребята, — говорю я пмѣ изъ открытаго въ горницѣ окна, — везите до Новосильцевъ у кого есть лошади!

— Отчего не свезти, можно, а что дадите? — спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— По рублю съ лошади: тарантасъ легкій, свезешь на тройкѣ, — отвѣчалъ я.

— На тройкѣ! видно Новосильцевской-то горы не знаете, — отвѣчалъ онъ мнѣ не безъ ироніи. — Она гора-то стоитъ десяти верстъ, да и дорога до нея вся идетъ въ тянигусъ.

— Извѣстна мнѣ ваша гора до-подлинно, не въ первой здѣсь, — отвѣчалъ я ему; — бѣги-ко лучше за лошадьми да смазывай тарантасъ.

— За конями-то надо еще бѣжать въ поскотину, дома-то у меня всего пара; вотъ развѣ дядя Митрій дастъ другую пару, на четверкѣ-то какъ-нибудь и свеземъ, тарантасъ-отъ небольшо озойный, — отвѣчалъ крестьянинъ, — а вы ужъ положите пятиточку за станокъ.

Дядя Митрій согласился дать свою пару лошадей; дѣлать было нечего и мнѣ пришлось согласиться на ихъ цѣну, не сидѣть-же въ Са-виной за-даромъ до утра и терять время.

— Ну, и запрягай скорѣе, да тарантасъ смазывай хорошенько, а я тѣмъ временемъ закушу, — отвѣтилъ я. Наконецъ уха поспѣла и съѣдена, тарантасъ смазанъ, лошади запряжены и часа черезъ два мы тронулись въ путь. Бѣда попасть сюда или въ Новосильцы весной или поздней осенью: запрягутъ вамъ въ экипажъ, если онъ мало-мальски тяжелый, 8, а не то десять лошадей съ форейторами и слупать неслыханную цѣну; мнѣ приходилось иногда платить по 10, 12 и даже 15 р. с. за одну станцію. Дорога вначалѣ идетъ по ровной, лѣсной, песчаной мѣстности, затѣмъ вступаетъ въ густой сосновый боръ, протянувшійся верстъ на десять, по отлогой возвышенности, по здѣшнему «въ тянигусъ». Мѣстность у выѣзда изъ деревенской поскотины напоминаетъ собою извѣстную картину художника Шишкина «Сосновый лѣсъ», въ особенности въ яркій юньскій день. Далѣе дорога становится глинистой и проходитъ по мелколѣсью, между крестьянскимъ пашнями и по «гарамъ», а затѣмъ спускается въ узкую болотистую долину рѣчки Волосницы, откуда круто подымается на Новосильцевскую гору, не доѣзжая 4 верстъ до этой деревни. Гора крута и глиниста: въ ненастье проѣзжающему съ грузнымъ экипажемъ — горе. Нерѣдко, плохо подкованныя или даже вовсе неподкованныя крестьянскія лошаденки, выбившись изъ силъ, оставляютъ экипажъ въ полугорѣ или у верхняго, послѣдняго, самаго крутаго взлобка, и тогда приходится посылать въ деревню Новосильцы за свѣжими лошадьми, чтобъ втащить грузный экипажъ на гору. Мы однакоже благополучно взлѣзли на гору и скорѣе прибыли въ Новосильцы, бѣдную, лѣсную деревеньку, состоящую изъ какихъ-нибудь 20 дворовъ, но тѣмъ не менѣе обладающую тремя или четырьмя винными лавочками. Во всей деревушкѣ найдется два—три хозяина, у которыхъ можно достать лошадей и которыхъ можно назвать зажиточными, а прежде, до введенія новой

акцизной системы, свободной продажи питій, въ Новосильцахъ не было кабаковъ, и такъ какъ до ближайшаго они были въ разстояніи 25 верстъ, то крестьяне, не имѣя подъ своимъ бокомъ соблазна, жили далеко лучше и зажиточнѣе нынѣшняго.

Едва-едва выбрался я изъ этого захоlustья и только часа черезъ два удалось мнѣ выѣхать на слѣдующую станцію Кулаково, отстоящую отсюда въ 35 верстахъ. Послѣ пятичасовой ѣзды, уже часовъ въ восемь утра дотащились мы наконецъ до Кулаковой, красиво расположенной на высокомъ берегу широкой, до трехъ верстъ въ ширину, рѣки Ангарты. Я остановился у знакомаго мнѣ мужичка-рыболова, «дѣдушки Евсея». Изба у Евсея была одною изъ лучшихъ въ деревнѣ, горница у него была свѣтлая, просторная и ради пушлага украшенія была расписана разными невиданными цвѣтами и звѣрями. Дѣдушка былъ искусный рыбакъ, даромъ что доживалъ седьмой десятокъ лѣтъ, и у него всегда водилась стерлядка и другая какая нибудь ангарская вкусная рыба.

Кулаково—тоже лѣсная деревня, но значительно болѣе предыдущей. Отсюда, ѣдущіе налогѣ, не въ собственномъ экипажѣ, нанимаютъ лодку до деревни Мотыгиной или до Рыбинскаго села, чѣмъ избѣгаютъ несносныхъ Кондаковъ, куда мнѣ предстояло теперь ѣхать. Путешествіе на лодкѣ вверхъ по Ангартѣ занимаетъ цѣлый день, хотя отъ Кулаковой до Мотыгиной водою всего 65 верстъ; неудобство его заключается въ томъ, что, въ случаѣ сильнаго вѣтра и волненія на рѣкѣ, можно весь день простоять, укрываясь отъ непогоды за какимъ нибудь островомъ, не попасть къ цѣли путешествія и промаяться задаромъ; въ тихую же погоду, а еще лучше въ повѣтеръ до Рыбной можно доплыть въ полъ-сутки и даже менѣе.

Подкрѣпившись стерляжьей ушкой и пирожкомъ съ осетринкой радушной старушки хозяйки, я покатилъ на тройкѣ свѣжихъ, крѣпкихъ Евсѣевыхъ лошадей въ злосчастные Кондаки, расположенные на берегу широкой, живописной рѣки Тасѣевой, въ 12 верстахъ отъ впаденія ея въ Ангарту. Леонтій, Евсѣевъ сынъ, славный, работающій малый, ловко управлялъ бойкой тройкой, и мы неслись по скатамъ и угорамъ, нигдѣ не тормозя экипажа, только при спускѣ съ высокой горы, при вѣздѣ въ Кондаки, пришлось затормозить оба заднія колеса: такъ крута и высока была эта гора. Видъ съ вершины ея на протекавшую внизу Тасѣеву, ея противоположный высокій берегъ со скалистыми лѣсистыми мысами былъ очарователенъ; но меня занимала дума о томъ, будутъ ли въ Кондакахъ лошади, такъ какъ, въ страдную пору, проѣзжающимъ приходилось не разъ въ ней засиживаться по нѣскольку часовъ и даже заночевывать. Спустившись съ горы и приворотивъ къ пріятелю Евсею, мужичку Захару, я, къ удовольствію моему, узналъ,

что лошади у него есть, «только-что ихъ малость овсецомъ покормить надо, недавно вишь съ покоса вернулись». Пришлось вновь прибѣгнуть къ помощи самовара, чтобъ какъ-нибудь скоротать время, пока лошади не найдутся въ волю овсеца. Кондаки—ничтожная, захудалая отъ пьянства мужиковъ деревенька, на берегу Тасѣевой, которая здѣсь до полуверсты шириной и черезъ которую устроенъ паромный перевозъ. Кругомъ деревни, какъ и по всей здѣшной дорогѣ, растутъ густые лѣса, въ которыхъ водятся въ изобиліи и птица и звѣри, а здѣшной помѣщикъ, Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ, невозбранно собираетъ съ мужиковъ обильную дань коровами и телками. Крестьяне ему въ этомъ мало пренятствуютъ, имѣя плохія ружья, да и къ охотѣ они не привычны, а когда-то дѣды ихъ и прадѣды были завзятыми охотниками и бойко промыслили пушнину, но съ открытіемъ золотыхъ приисковъ ихъ прежній промыселъ упалъ, и они, покинувъ охоту и звѣроловство, обратились къ другимъ, болѣе легкимъ и болѣе прибыльнымъ занятіямъ. Огромный проѣздъ, въ особенности въ прежнее время, когда въ Южной тайгѣ находилось болѣе десятка тысячъ рабочихъ, сотни приказчиковъ, золото добывалось сотнями пудовъ въ лѣто, давалъ Кондаковцамъ громаднѣйшій заработокъ и за перевозъ и за ямничество, затѣмъ доставка и заготовка сѣна на прииски, съ ихъ богатыхъ обширныхъ луговъ на островахъ Тасѣевой, давала имъ еще болѣе значительный доходъ. Проходящіе рабочіе съ приисковъ послѣ расчета, тоже оставляли не мало денегъ, но всѣ эти громадныя заработки и доходы послужили только къ вящему растлѣнію добрыхъ старшихъ нравовъ здѣшнихъ жителей и не принесли имъ никакой пользы. Кондаки какъ были, такъ и остались жалкой деревушкой, и обитатели ея почти всѣ спились съ-кругу и сдѣлались безшабашными забулдыгами и лѣнтяями. Нынѣ у нихъ изъ всѣхъ доходныхъ статей остались перевозъ да провозъ приѣзжающихъ, съ которыхъ они дерутъ что только можно, ибо, кромѣ ихъ деревни, въ этомъ пунктѣ дороги лѣтомъ дѣваться некуда.

Конечно и я заплатилъ обычную дань Кондакамъ. Слава Богу, что не просидѣлъ въ нихъ долго. За перевозъ и за станцію до перевоза черезъ рѣку Ангору въ село Рыбинское, за 33 версты, я заплатилъ 8 р. с. за четверку лошадей. Дорога отъ берега Тасѣевой идетъ глухимъ лѣсомъ верстъ на двадцать и у деревеньки Сметаниной выходитъ къ берегу Ангары, а по выѣздѣ изъ деревни круто подымается на Сметанинскую береговую гору и снова бѣжитъ къ лѣсу. Эта гора составляетъ не малое затрудненіе въ ненастье или весною и осенью для лошадей, пробѣжавшихъ уже 20 верстъ по не всегда исправной дорогѣ, а съ тѣмъ выѣстъ и доходную статью Сметанинцовъ, когда проѣзжающему приходится обратиться за ихъ помощью. Проѣхавъ

версть съ десять, я снова увидѣлъ величественную Ангару, закрытую отъ нашихъ глазъ лѣсными пригорками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деревню Денисову, стоящую на низменномъ береговомъ угорѣ лѣваго берега Ангары, насупротивъ села Рыбинскаго, съ его бѣлою церковью на высокомъ, сланцевомъ, крутомъ утесѣ, вдавшемся въ рѣку отвѣснымъ мысомъ. Денисову мы проѣхали не останавливаясь и, переѣхавши по наплавному мосту черезъ пеширокую, но глубокую курью рѣки Ангары, помчались по обширному, красиво поросшему купами деревьевъ береговому лугу къ перевозу. Перевознаго карбаса не застали; онъ по обыкновенію, стоялъ на той сторонѣ, у Рыбной. Да и что дѣлать на здѣшнемъ пустынномъ берегу перевозчикамъ въ ихъ жалкой землянкѣ. Въ Рыбной-же всѣ утѣхи и радости, общество и кабакъ на берегу, здѣсь же пусто, неуютно, да и гнусь, т. е. оводъ, комаръ и мошка одолѣваетъ. Стали кликать перевозчиковъ. «Пере-возъ, карбасъ давай! Эй, пере-возъ, подавай карбасъ! «Сейчасъ», раздалось съ той стороны. Этотъ «сейчасъ» продолжался съ добрый часъ. Въ ожиданіи карбаса, ничего не оставалось дѣлать какъ бродить по берегу, отмахиваясь вѣткой березы отъ докучавшихъ насѣкомыхъ, да нешадно курить. Наконецъ къ берегу подвалили неуклюжій карбасъ, не дошедшій за мелководьемъ до нашего берега нѣсколько сажень, затѣмъ общими усиліями поставленъ былъ на него тарантасъ, и мы пустились за рѣку. Перевозъ здѣсь тоже довольно затруднителенъ: сначала надо завести карбасъ вверхъ по рѣкѣ почти на полверсты и затѣмъ уже перегребать рѣку, которая не менѣе версты въ ширину, и хотя теченіе ея не очень быстрое, но все-таки порядочно сносить неуклюжую перевозную посудину, и напрямикъ ни за что не попадешь къ мѣсту переправы. Въ сильный вѣтеръ, когда разводится на рѣкѣ большое волненіе, перевозъ вовсе прекращается, и тогда приходится сидѣть на берегу, пока не прекратится непогода. — Наконецъ мы пристали къ рыбинскому берегу. Сойдя съ карбаса и расплатившись съ перевозчиками, я отправился въ селеніе къ знакомому крестьянину, одному изъ содержателей перевоза, просить лошадей, вывезти съ берега мой экипажъ къ нему на дворъ, а такъ какъ лошади у него были дома, то черезъ полчаса времени мой тарантасъ стоялъ уже у него на дворѣ. Домъ моего хозяина былъ довольно большой, двухъ-этажный, съ нѣсколькими горницами, украшенными обоями, незатѣйливой мебелью и тюменскими расписанными сундуками. Хозяинъ, впрочемъ, не былъ рыбинскимъ аборигеномъ, а изъ «россійскихъ», переселившійся сюда въ надеждѣ зашибить денегу и одинъ изъ немногихъ рыбинцевъ, занимающійся земледѣліемъ. Вообще Рыбинское хотя и довольно порядочно обстроенное селеніе, но коренные обитатели его небогаты и папней мало занимаются, несмотря на понудительныя мѣры земскаго

своего начальства; къ тому же они набалованы «пріискателями», а потому лѣнны, очень любятъ выпить и если промышляютъ еще чѣмъ, то рыболовствомъ, сѣнокошеніемъ, перевозкой тяжестей въ тайгу и проѣзжающихъ, а главное живутъ выходомъ съ пріисковъ послѣ разсчета рабочихъ. Это у нихъ чуть ли не главная доходная статья въ ихъ домашнемъ бюджетѣ. Къ приходу рабочихъ, около или очень скорѣ послѣ Покрова, избы моются и прибираются, хозяйки топятъ бани, запасаютъ всякой снѣди, пироговъ и всего прочаго, съ нетерпѣніемъ ожидая прибытія своихъ дорогихъ гостей. Наконецъ, наступаютъ вождельные дни, появляются таежные, и всѣ въ домѣ спѣшатъ наперерывъ ублаготворить чѣмъ только можно остановившагося или остановившихся дорогихъ денежныхъ гостей, а подь-часъ опоить и пьяненькаго обобрать до нитки, затѣмъ вытащить изъ дома за ворота на улицу, а то и за околицу. Въ прежнее время, въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, когда въ Рыбинскомъ существовали резиденціи нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ Южной Системы, главный откупной кабакъ и винный складъ этого края, а въ сосѣднихъ, ближайшихъ къ тайгѣ, деревенькахъ Бѣльской и Мотыгиной, ничего этого не было, Рыбная была главнымъ пунктомъ выхода рабочихъ съ Южныхъ пріисковъ и здѣсь кутили они самымъ безшабашнымъ образомъ, пропивая и прогуливая тысячи рублей, нажитыхъ въ тайгѣ ихъ тяжелымъ трудомъ. Кутили не одни рабочіе, кутили и хозяева, ихъ приказчики, и слава Рыбной гремѣла на всю округу. Въ Рыбную тогда наѣзжали и мѣстныя власти, откупное начальство, енисейскіе и иные торговцы, а также енисейскія погребшія, не не милыя созданія, такъ какъ мѣстныхъ жителей на тысячи вышедшаго изъ тайги люда далеко не хватало. И кто только не наживался тогда около рабочихъ; обирание ихъ производилось самымъ систематическимъ образомъ. «Матушка Ангара не пустила домой», говорилъ прокутившійся вплотную рабочій, лихо «летѣвшій» въ тайгу, нанявшись вновь на осеннія и зимнія работы, такъ какъ въ то время здѣсь былъ центръ ихъ наемки на пріиски. Теперь все это миновало и прекрасные дни для Рыбной закатились навсегда. Находящаяся въ 12 верстахъ по пути на пріиски деревня Мотыгина, съ 28 домами и съ такимъ же почти числомъ винныхъ и иныхъ продажъ, отбила у Рыбной всю ея практику; словомъ, для Рыбной пришелъ конецъ и она теперь живетъ рыболовлей, перевозомъ, извозомъ, да кое-какими крохами, перепадающими ей отъ проходящихъ рабочихъ, заночевавшихъ въ деревнѣ или пережидającychъ, пока не укротится разыгравшаяся на Ангарѣ буря и не возстановится перевозъ черезъ рѣку. А между тѣмъ Рыбная — одно изъ старинныхъ Енисейскихъ поселеній; она основана сотникомъ Перфильевымъ въ 1628 г. и была нѣкогда укрѣпленнымъ острогомъ, основаннымъ для обузданія прожи-